

ИЗ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ

---

doi.org/10.31912/rjano-2021.2.8

Б. Ю. НОРМАН

Белорусский государственный университет
(Минск, Белоруссия)
boris.norman@gmail.com

К ВОСПРИЯТИЮ И ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ (ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧИТАТЕЛЯ)*

Процесс восприятия и понимания письменного текста, в том числе такой его единицы, как высказывание, обусловлен многими факторами. В статье анализируется деятельность читателя художественного текста, сталкивающегося с многозначными, амбивалентными высказываниями. Систематизируются факторы, влияющие на выбор одного из смысловых вариантов. Делается вывод, что говорить о семантических инвариантах применительно к целой коммуникативной единице можно, только очень низко опуская порог осмысления (понимания). Рассматриваются также случаи коммуникативных неудач (недоразумений). Теоретические положения иллюстрируются примерами из русской художественной литературы и публицистики.

Ключевые слова: восприятие, чтение, понимание, высказывание, смысл, вариант, многозначность, художественный текст.

0. Введение

Сложный и гибкий характер языковой системы подразумевает, что в каждый момент речевой деятельности носитель языка выбирает какой-то один смысловой вариант из нескольких возможных. Если иметь в виду деятельность говорящего, то выбор синтаксической модели, лексической единицы, морфологической формы, ее стилистической окрашенности и т. п., всё это — мгновенная селекция (не всегда осознаваемая) одной единицы из числа некоторого синонимического ряда. Говорящий, чтобы выразить свою мысль, должен преодолеть эту синонимию. Что же касается слушающего, то его задача — борьба с омонимией: с формально одинаковыми или очень сходными единицами, за которыми стоит разное содержание. Исследователи, занимающиеся анализом повседневного общения (в семье,

---

* Статья написана в период пребывания в Институте славистики Технического университета Дрездена (01.11.2020–31.12.2020) и работы над научной темой «Теория семантической инвариантности и семантические разновидности».

на улице, на работе), констатируют: «Коммуникативные риски поджидают нас каждую минуту... Рискогенны почти все коммуникативные акты. Даже если, казалось бы, в сообщении (просьбе, приказе, вопросе) адресанта всё понятно, адресат может оказаться не в состоянии полностью осознать причину полученного им сообщения, цель, степень важности...» [Сиротинина, Кормилицына 2015: 9]. Неслучайно тема коммуникативных неудач и коммуникативных недоразумений в последние годы привлекает к себе особое внимание [Ермакова, Земская 1993; Голетиани 2003: 15–17, 59–90; Димитрова 2009: 159–163; Mustajoki 2012; Willems et al. 2020 и др.]. При этом акцент делается на прикладном аспекте проблемы *poor communication* («плохого общения»), а именно: как повысить эффективность деловых диалогов «врач — пациент», «авиадиспетчер — пилот», «продавец — покупатель» и т. п.

Что же касается рецепции художественных текстов, то здесь исследователи предпочитают говорить не о «непонимании» или «неполном понимании», а о различной степени глубины проникновения в текст [Ilter 2017; Patniak, Mohanty 2020 и др.]. В работе [Голев, Ким 2014: 120–121] коммуникативные неудачи рассматриваются как естественный спутник полноценного общения; там же, применительно к ситуации языковой игры, дается типология источников множественной интерпретации. Однако основу для таких интерпретаций создают языковые конструкции: они-то и нуждаются в лингвистическом анализе.

Мы в данном случае обратим внимание на деятельность читателя письменного (художественного или публицистического) текста на русском языке. Нас будут интересовать те факторы, которые, участвуя в механизмах речевой деятельности, облегчают или затрудняют последнюю и в конечном счете позволяют читателю получить искомый смысл. То, что мы имеем дело с восприятием только письменных текстов, налагает определенные ограничения на наши наблюдения и выводы. Деятельность читателя допускает возможность как возврата к уже «пройденному» фрагменту текста, так и «забегания вперед»: известна специфика «зигзагообразного» движения зрачков при чтении. Но теоретическая проблема, которая нас занимает, касается восприятия и понимания любого текста — как письменного, так и устного. Прежде всего нас интересует, насколько формирующиеся смысловые гипотезы расходятся друг с другом, что влияет на выбор одной из них и можно ли говорить о некотором смысловом «инварианте» воспринимаемого фрагмента текста.

При этом, пытаясь представить себе процессы, протекающие в сознании говорящего (и подлежащие «разгадыванию», реконструкции в сознании слушающего), мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что такое восстановление исходного смыслового варианта носит условный, нечетко-множественный характер. Не забудем также о том, что понимание высказывания, которое находится в центре наших интересов, есть часть понимания целого текста.

Попробуем предложить некоторую типологию ситуаций семантического выбора, возникающих перед читателем.

1. Синтаксическая омонимия: субъектно-объектные отношения

- (1) Сечет кустарник мелкий
Рубин летящих звезд.
(А. Белый. Станция).

Несмотря на то, что перед читателем — фрагмент стихотворного текста, отдаленный от него целым столетием, вопрос о вариантах толкования остается в силе: кто кого сечет? И *кустарник*, и *рубин* могут быть идентифицированы и как формы именительного, и как формы винительного падежей. Более того, для метафорического мира поэзии примерно равновероятны и «ветки кустарника, преломляющие свет звезд», и «свет звезд, разделяющий, расчленяющий ветки кустарника». Ближайший контекст тоже не дает оснований для выбора читателем какого-то решения, предыдущие строки выглядят так:

- (2) Один... Стоит у стрелки.
Свободен переезд.

Следовательно, остается положиться на определяющую роль порядка слов: при прямом словопорядке (более частом и естественном) субъект действия предшествует объекту.

Вообще в руководствах по стилистике русского языка рекомендуется избегать таких двусмысленных ситуаций, как *Законы защищают суды*; *Керосиновые бакены заменили ацетиленовые фонари* и т. п. [Розенталь 2000: 254; Сиротинина 2013: 62 и др.]. Тем не менее вот совсем свежий пример с нового сайта lenta.ru (сентябрь 2020 г.): «Яндекс» *собрался купить «Тинькофф»*. Яндекс — российская информационная компания, Тинькофф — банк: кто кого покупает? Очевидно, расчет на прямой словопорядок все же действует.

- (3) А **турецкая резня**: это когда турки режут или когда режут турок?
(Вен. Ерофеев. Из записных книжек).

Относительные прилагательные, как известно, характеризуются широтой своей семантики. Предельно обобщенный характер значения позволяет прилагательному «лишь “намекать” на смысл связи между предметами — и мало ли в каком направлении может конкретизоваться этот смысл в зависимости от условий контекста, речевой ситуации...» [Павлов 1985: 72]. Действительно, прилагательное *турецкий* означает не более чем «имеющий отношение к туркам, к Турции», и читатель вынужден конкретизировать его значение в соответствии со своими энциклопедическими знаниями, а на практике — с предыдущим коммуникативным опытом.

В то же время отглагольным существительным (таким как *резня, передача, заболевание, зависть* и т. п.) свойственно утрачивать или нейтрализовать какие-то из валентностей производящего глагола, ср.: *обещать кому что* — *обещание чего*; *подозревать кого в чем* — *подозрения в чем*; *завидовать кому в чем* — *зависть к кому* и т. п. Об ослабленной способности девербативов к синтаксическому управлению обстоятельно писал в свое время А. М. Пешковский и добавлял: «К этому присоединяется в качестве специального недостатка и двусмысленность нашего родительного от имен одушевленных предметов: *боязнь отца* одинаково обозначает и “отец боится”, и “отца бояться”, *любовь сына* — “сын любит” и “сына любят”...» [Пешковский 1959: 106]. В трактовке последнего примера с ученым вряд ли можно согласиться (оппозитом к *любовь сына* будет скорее конструкция *любовь к сыну*), но другие подобные случаи (*выбор жены, переводы Пушкина* и т. п.) подтверждают синтаксическую скованность отглагольных существительных и заставляют осторожно относиться к их использованию.

Этот тезис проиллюстрируем еще одним примером:

- (4) Меня удивляет, каким сдержанным — до сухости — стал **Иосиф Бродский в оценке Мандельштама** (Ю. Нагибин. Голгофа Мандельштама).

Фразу можно понять двояко. В одном варианте толкования речь идет о поэте И. Бродском в оценке О. Мандельштама, в другом — о творчестве О. Мандельштама в оценке И. Бродского. Кто здесь — субъект, а кто — объект оценки? Синтаксическая структура амбивалентна, она допускает обе трактовки. Конечно, если знать, что И. Бродский жил позже О. Мандельштама, то именно он оказывается субъектом оценки, а О. Мандельштам — ее объектом. Реципиента выручает внеязыковой (культурный, энциклопедический) опыт.

- (5) Все были мне рады, потому что **мне можно было рассказывать** таежные байки, можно было меня удивлять, разыгрывать, пугать... (Е. Гришковец. Реки).

Амбивалентность части примера (5) основана на том, что словоформу *мне можно* истолковать либо как субъект действия («я мог рассказывать байки»), либо как его адресат («кто-то мог мне рассказывать байки»). Возможность двоякого толкования длится ровно до тех пор, пока не будет воспринята следующая часть высказывания. Становится ясно, что представленный 1-м лицом рассказчик — это объект или адресат действий (*удивлять, разыгрывать, пугать*). Выбор читателем одного из двух смысловых вариантов основывается на контекстуальной поддержке, на синтагматической «подсказке».

Еще один, более редкий вид синтаксической омонимии затрагивает уже иные — субъектно-предикатные отношения. Это случается, когда оба главных члена предложения выражены именами существительными:

- (6) — Снял бы ты, мой милый, свой фартук, — сказала со вздохом Маргарита. — Орловичи вот-вот подойдут.
 — Я, Маргарита Павловна, помню, — отвечал Савва, поднимаясь, — ох, дрель хороша. **Гитара — не дрель** (Л. Зорин. Хохловский переулок).

Фраза *Гитара — не дрель* имеет по крайней мере два толкования. При одном из них словоформа *гитара* — это подлежащее, обозначающее тему высказывания («*Гитара — это совсем не дрель*»). При другом, который и представлен в примере (6), *гитара* — это рема, вынесенная в эмфатическую препозицию («*Это просто гитара, а не дрель!*»). Читатель выбирает второй вариант, потому что ему известно из предыдущего контекста, что речь идет именно о дрели (а в устной речи различить эти смыслы помогает, конечно, интонация).

2. Определительные и обстоятельственные отношения: двоякая синтаксическая связь

Стандартный случай многозначности в русском языке представлен ситуацией двоякой синтаксической связи: когда какая-то словоформа в высказывании может быть соотнесена либо с одним синтаксическим «хозяйном», либо с другим. Это давняя проблема грамматики, которая имеет разные аспекты: морфологический (слова каких частей речи образуют такую ситуацию), семантический (насколько расходятся альтернативные смыслы), синтаксический (насколько эти варианты обусловлены порядком слов) и др., см. [Валгина 1972; Ицкович 1982, 168–183; Сиротинина 2013: 77 и др.]. Особый смысл проблема двоякого членения приобретает для автоматического анализа текста: необходимо выявить все факторы, влияющие на выбор смыслового варианта [Куно, Эттингер 1971; Лаптева 2009: 242–249 и др.].

Конечно, необходимость выбора одного из двух (или даже трех) вариантов синтаксического членения может в данном контексте стираться, сглаживаться. Так, если читатель встречает в книге фразу типа

- (7) — Тише, тише! А то **соседи снизу** сейчас **прибегут** интересоваться, что это за стадо слонов у нас по квартире скачет... (Л. Есина. ДюймВовочка),

то для него по большому счету неважно, является ли пространственный признак «низ» постоянным свойством соседей (проживающих внизу) или актуальным для данной минуты (прибегут снизу). Такая темпоральная энтропия позволяет сфокусировать внимание на иных фактах: производимом в квартире шуме.

Но естественно возникает вопрос: возможно ли два разных смысла объединить в речи под одной «крышей»? Существует ли некий смысловой ин-

вариант, сглаживающий частные различия в толковании? Как правило, этот вопрос возникает в связи с поисками «общего значения» у морфологических единиц — форм падежа, числа, времени и т. д. Классическим образцом может послужить работа Р. Якобсона [1985], но поиски в этом направлении продолжаются, см., например, монографию о русском словоизменении [Перцов 2001]. Однако принять здесь какое-либо решение — значит ответить предварительно, «следует ли действительно предполагать семантическую инвариантность для всех языковых единиц»? [Кибе 2009: 932].

По-видимому, в синтаксисе положительный ответ на этот вопрос возможен только в том случае, если мы очень низко опускаем порог понимания (смысловой дифференциации). Проверим этот тезис на следующих примерах.

- (8) **Роня на лету оторвавшиеся щупальца**, медуза шлепнулась на мокрый песок (В. Катаев. Белеет парус одинокий).

Варианты толкования этого высказывания связаны с определением зависимости словоформы *на лету*: то ли *роня* — *на лету*, то ли *оторвавшиеся* — *на лету*. Мы вправе опять-таки предположить, что читатель между этими вариантами особой разницы не заметит: важно, что медуза шлепнулась на песок уже без щупалец. Вот это и можно считать инвариантным смыслом конструкции с двояким членением.

Однако перед нами, так сказать, счастливые случаи, потому что далеко не всегда альтернативные варианты можно подвести под одну смысловую «крышу». И даже когда варианты толкования расходятся незначительно, один из них в сознании реципиента все равно количественно доминирует над другим (чему немало способствует порядок слов и лексическая сочетаемость) [Норман 1980: 86].

А в ряде контекстов от читателя несомненно требуется выбор:

- (9) ...Потом чай в толстых кружках и ситцевые мешочки с гостинцами, и блаженная неловкость, испытываемая мною, когда **я сидел между двух смазливых епархиалочек со вспотевшими подмышками...** (В. Катаев. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона).

Спрашивается: у кого подмышки были вспотевшими: у рассказчика или у епархиалочек? Выбирая один из вариантов, следует прежде всего обратить внимание на порядок слов. Если бы было сказано: *я со вспотевшими подмышками сидел между двух епархиалочек*, то никакой двусмысленности не возникало бы. Но писатель будто специально словоформы *со вспотевшими подмышками* ставит в контактную постпозицию к *епархиалочкам*, оставляя читателю свободу выбора синтаксической связи. Но обратим внимание: в тексте говорится, что рассказчику было неловко. Значит, он волновался: у него были основания для того, чтобы вспотеть. А про состояние «смазливых епархиалочек» читателю ничего неизвестно, его можно сбросить со счетов. В итоге приоритетным оказывается вариант со

вспотевшим рассказчиком, и мы видим, что фактор «здравого смысла» действует сильнее, чем фактор порядка слов.

- (10) Деревенские мальчишки не срезали даже крючков, к которым при-
сохли остатки выползков, **насаженных некогда негнушимися**
пальцами Петрухи (В. Солоухин. Владимирские проселки).

При восприятии данной фразы тоже возникает альтернатива членения: *насаженных некогда* или *некогда негнушимися*? Поскольку при этом в тексте нет никаких указаний на то, что пальцы Петрухи в свое время утратили гибкость, то читатель, даже не имеющий представления о Бритве Оккама («Не следует без необходимости множить сущности»), выбирает первое, более простое толкование: «Петруха некогда насаживал выползков».

- (11) Это проходили лагерные военизированные отряды пионеров. Сначала **с лучшими стрелками впереди** прошла пехота (А. Гайдар. Военная тайна).

Словоформа *впереди* предлагает два варианта подчинения: или она в качестве обстоятельства уточняет место действия сказуемого (где *прошла?* — *впереди*), или же поясняет словосочетание *с лучшими стрелками* (*с лучшими стрелками* где или какими? — *впереди*). В первом случае, при установлении связи *прошла* — *впереди*, на долю подлежащего *пехота* остается только определение *с лучшими стрелками* (что выглядит не очень логично). Выбор второго варианта связи (*с лучшими стрелками* — *впереди*) более мотивирован, хотя нельзя не заметить, что зависимая словоформа здесь из обстоятельства места превращается в несогласованное определение (как результат компрессии фрагмента *с лучшими стрелками, которые шли впереди*).

Мы видим, что взаимодействие ряда факторов (порядок слов, лексическая сочетаемость, стандартные способы синтаксических преобразований и т. п.) позволяет читателю с большой степенью вероятности выбрать искомый смысл. Однако примечательно, что даже в тех контекстах, в которых здравый смысл, казалось бы, исключает другой, «неправильный» вариант толкования, сама языковая система провокационно напоминает ему о такой возможности [Норман 2020: 90]. Примером нам на сей раз послужит приведенный в газете анекдот:

- (12) — Ко мне пришли из милиции, сказали, что **моя собака преследовала человека на велосипеде**. Я обалдел: у моей собаки нет и никогда не было велосипеда! (еженедельник «Аргументы и Факты». 2018. № 20).

Раз газета считает, что такой текст может быть смешон, значит, сама возможность связи (*собака*) *преследовала* — *на велосипеде* допускается наряду со связью *человек на велосипеде*: языковая система этого не исключает, а тексты содержат подобные прецеденты.

3. Структурные преобразования в грамматике говорящего, порождающие метафору

Деятельность читателя осложняется теми речемыслительными преобразованиями, которые произошли в сознании автора текста и отразились на структуре высказывания «на выходе». Это могут быть результаты компрессии, эллипсиса, синтаксического переноса (гипаллагы), частеречной трансформации и т. д. Реципиент должен как бы восстановить исходную смысловую структуру, хотя понятно, что в светлое поле его сознания эти процессы не попадают: в значительной степени они осуществляются автоматически, за счет его языковой компетенции.

- (13) Будущий адвокат залился горьким плачем, может быть, от судьбы, которую ему предсказывали родители, или от солнца, которое как раз на него **бросало июньский квадрат** (М. Кузмин. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро).

Последнюю часть фразы можно истолковать примерно так: «от июньского солнца, которое, [проникая в окно], бросало как раз на него [свои лучи] [и образовывало в комнате] [яркий] квадрат» или же «от солнца, которое, [рисую на полу] квадрат, [слепило] его [своими] июньскими [лучами]» и т. п. А в результате синтаксических преобразований сложного построения на выходе появляются сжатые выражения — метафоры: *июньский квадрат* и *бросало квадрат*.

- (14) Гости пили чай **оловянными глазами** (Б. Пильняк. Красное дерево).

Проза Б. Пильняка вообще изобилует метафорами, но многие из них в глубине своей содержат синтаксические преобразования: гипаллагу, компрессию и т. д. Чай пьют ртом; рот — само собой разумеющийся «инструмент» питья. А *оловянными глазами* в приведенном контексте — результат сокращения более сложного смысла, примерно такого: «гости пили чай, бессмысленно глядя глазами оловянного цвета». (Кроме того, фоном и прецедентом для выражения *пить глазами* служит устойчивое русское выражение *есть (поедать) глазами*.) И, с учетом такой «расшифровки», словоформа *глазами* вместе с зависимым определением *оловянными* оказывается обстоятельством образа действия: как гости пили чай? — *оловянными глазами*.

- (15) На какую-то долю секунды я почувствовала **дурноту нереальности происходящего** (Д. Рубина. Я не любовник макарон).

Более развернуто (и более правильно) эта мысль выглядела бы примерно так: «я почувствовала [себя] дурно от нереальности происходящего» или «я почувствовала, что происходящее нереально, [и от этого мне стало] дурно». Эти варианты равнозначны, при этом они более расчлененно и точно передают ситуацию. Однако современный тип «актуализирующей

прозы» (Г. Н. Акимов), парадоксальным образом сочетающий в себе левополушарную тенденцию к интеллектуализации и правополушарную — к «клиповому» мышлению, склоняет автора к выбору компрессированного выражения.

- (16) На стульях расположилась клиентура. Обыкновенные пожилые дяди **с портфелями на последнем месяце** (В. Драгунский. Знатная фамилия).

Если попытаться реконструировать исходную для говорящего конструкцию, мы получим примерно следующее: «...дяди с [набитыми] портфелями, [которые своей округлостью напоминали живот женщины, находящейся] на последнем месяце [беременности]». Перед нами метафора «портфель — живот», поддерживаемая цепочкой метонимических связей: *портфель — набитый — округлый — живот — беременность — последний месяц*.

- (17) Нужно сунуть вещи в пакет, чтобы завтра ему все постирали и погладили, все-таки целый день он просидел в машине, **мокрый и жаркий** (Т. Устинова. Хроника гнусных времен).

Последнюю часть цитаты следует понять как «просидел в машине, мокрый [от пота, потому что было] жарко». Менее вероятные варианты толкования — «мокрый [от] жаркого [пота]» или «мокрый [от пота] и жаркий, [как и окружавший его воздух]» и т. п.

- (18) Зайдя к Папанину **в его обязательное оружейное время**, перед сном, он с ним заговорил, отвлекая внимание, — и украдкой подбросил на тряпочку крохотный шлифованный уголок... (М. Веллер. Легенды Невского проспекта).

Его обязательное оружейное время здесь — это «время, [когда тот] обязательно [занимался разборкой и чисткой личного] оружия». Хотя сама определительная конструкция (*обязательное оружейное время*) для русского языка является окказиональной, в предыдущем литературном контексте ситуация подробно разъясняется, а потому затруднений в понимании у читателя не вызывает.

- (19) — «Мы будем заниматься или мы будет дурочку валять?»
— «Дурочку валять!» — **пубертатными петухами отзывалась** мужская часть класса, заливаясь безмятежным допризывным гоготом (Л. Рубинштейн. Знаки внимания).

Отзывалась пубертатными петухами — значит «отзывалась [голосами ломкими, свойственными] пубертатному [возрасту и похожими на] петушиные [крики]». Странность или «невозможность» для русского сознания выражения *пубертатный петух* говорит о том, что за ним скрываются некоторые семантико-структурные преобразования — их мы и попытались

выявить. Но «расшифровка» предполагает разную степень проникновения в текст. Например, читатель может не знать термина *пубертат* — и в таком случае его трактовка последней фразы ограничится сравнением юношеских голосов (сказано: допризывники!) с криками петухов.

Примеры (15)–(19) весьма ценны для исследователя речемыслительных механизмов. Они свидетельствуют, что во внутренней речи слова (точнее, еще «словообразы») не имеют четкой грамматической характеристики: частей речи как таковых пока нет! Для говорящего, пока фраза не вышла во внешнюю речь, *дурно* и *дурнота* — это «одно и то же», так же как *петух* и *петушиный*, *оружие* и *оружейный* или *жаркий* и *жарко*... А трансформации типа *крик петуха* — *петушиный крик*, *солнце в июне* — *июньское солнце*, *нога в ажурном чулке* — *ажурная нога*, *приобретать товары в рассрочку* — *товары в рассрочку* и т. п. в сознании носителя языка уже отработаны, они входят в его языковую компетенцию, см. [Шведова 1966: 26–32; Илюхина 2009 и др.].

4. Лексико-грамматическая омонимия

Рассмотрим очередную группу примеров.

- (20) И сказал себе: это неправда, это кажется, ты немного устал, сегодня очень жарко, бери **гребни** и **гребни** домой. И попытался взять весла, протянул к ним руки, но ничего не получилось... дерево гребей протекало через мои пальцы, через их фаланги... (Саша Соколов. Школа для дураков).

Диалектное существительное *гребни* ‘весла’ и форма повелительного наклонения от глагола *гребсти* — *гребни* (с иным ударением) — сталкиваются в одном контексте и на какое-то мгновение сбивают читателя с толку. Разумеется, никакой смысловой инвариант здесь невозможен, но недоразумение разрешается очень быстро — с появлением формы косвенного падежа *гребей* в следующей фразе.

- (21) Слава Лён деньги достал, привез в аэропорт, и художник предложил в обмен три **туши**. Слава, как интеллигентный историк искусств, решил, что имеются в виду три рисунка тушью, при тех ценах дороговатых. Как же кусал он локти, когда «тушь» обернулась тремя бычьими тушами, написанными маслом на огромных холстах! (Общая газета. 1995. № 37).

Предложил в обмен три туши — это лексико-грамматическая омонимия (совпадение форм разных слов). Однако за *туши*₁ и *туши*₂ стоят совершенно разные исходные структуры: а) «рисунки тушью» и б) «бычьи туши, написанные маслом на холстах». Один из этих вариантов «забил» в сознании реципиента другой — и результатом стала типичная коммуни-

кативная неудача. Любопытно, что столкнулись в данном случае языковое пресуппозитивное знание (слово *туша* более частотно в русском языке, чем *тушь*) и индивидуальные дискурсивные условия (Слава Лён «как историк искусств» жил в своем мире).

- (22) Юная продавщица в белоснежном халате, на вид прохладная и потому приятная, работает молча, мягко, равномерно. Никому не хочется менять этого налаженного равновесия. Жарко, **лень** (Ф. Искандер. Летним днем).

Словоформа *лень* здесь обозначает психофизическое состояние субъекта (обычно реализующееся в комплекте с зависимым дательным падежом: *мне лень, всем лень*). Она находится в одном парадигматическом ряду с такими случаями, как *жарко, боязно, неохота, жаль* и т. д. Но, кроме данной семантико-синтаксической роли, *лень* может выступать как обычное существительное, ср. пример:

- (23) Студент с экзаменационным билетом — это ж подозреваемый, немело скрывающий **лень** и невежество... (А. Азольский. Облдрамтеатр).

Судя по приведенным примерам (22) и (23), за оболочкой *лень* скрываются два слова. Если в первом случае перед нами представитель категории состояния (по Л. В. Щербе), или, в более современной терминологии, предикатив, не имеющий рода и не изменяющийся по падежам, то во втором — существительное женского рода, обозначающее отрицательное свойство человека (наряду с такими чертами, как невежество, безразличие, упрямство и т. д.). В единственном числе оно обладает полной словоизменительной парадигмой. Выбрать нужный смысловой вариант читателю помогает сосед словоформы *лень* по сочинительному ряду: слово *жарко* (это типичный предикатив). Можно говорить здесь о речевой, синтагматической подсказке.

5. Метафорические и метонимические переносы значения

Важный фактор, участвующий в формировании смысла воспринимаемого высказывания, — это многозначное слово или слово, употребленное в особом значении.

Кроме собственно лингвистического, данная проблема имеет и философский аспект. Толчок к дискуссии в этом направлении был дан работами Г. Фреге и его последователей, считавших, что смысл имени меняется не только в зависимости от говорящего, но и от конкретной ситуации общения [May 2006: 111–112]. Обратимся к следующим примерам.

- (24) Честные фронтовые читатели еще до революции шарахались от этих книг, как от генеральского окрика, или как от какого-нибудь

коменданта узловой станции, особенно любящего сажать под арест отпускных солдат, или попросту как от смертоубийственного «**чемодана**» (М. Слонимский. Книга воспоминаний).

Современный читатель может только догадываться о значении слова *чемодан* в кавычках: что это — «мина, взрывное устройство»? «уголовное дело»? «что-то связанное с переездом»? (такие мы получали ответы). На самом деле *чемодан* здесь — это устаревшее разговорное (жаргонное) название крупнокалиберного снаряда.

- (25) — У нее свободная комната, может быть, она вам сдаст.
— **У этой женщины есть телефон?**
— Я должна сначала сама с ней поговорить.
— Вы меня не поняли, я не собираюсь ей звонить. Телефон мне нужен по моей работе (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Недоразумение в данном диалоге связано с неверным определением исходной имплицатуры. В вопросе «У этой женщины есть телефон?» содержится presupposition: «Мне нужно, чтобы в квартире был телефон». Собеседник же понимает вопрос как просьбу: «Дайте мне номер ее телефона». В основе этой коммуникативной неудачи лежит многозначность слова. Согласно [БТСРЯ], русское *телефон* имеет три значения: 1. «Система электросвязи, обеспечивающая передачу на расстояние речи при помощи электрических сигналов...»; 2. «Аппарат, снабженный сигнальным звонком и трубкой для разговора...»; 3. «Номер абонентской установки телефонной связи». Нуждающийся в жилье персонаж использует в своем вопросе значение 1, его собеседница — значение 3. И хотя данный пример иллюстрирует практику разговорной речи, симптоматично, что писатель «подключает» читателя к ситуации коммуникативного недоразумения.

- (26) — Бедная девочка, — сказал Эдик. И добавил разочарованно: — **Полный бекар.**
На его наречии эти слова означали фиаско (Л. Зорин. Прощальный марш).

Бекар в музыкальной терминологии — знак отмены ранее назначенного бемоля или диеза; в данном случае — ‘возврат’, ‘регрессия’, ‘минус’. Читатель, несведущий в музыке, ощутит негативную семантику этого слова, скорее всего, благодаря определению *полный* (ср.: *полный провал*, *полный хаос* и т. п.).

Конечно, термин или профессионализм придает тексту, вместе со стилистической окраской, определенную долю достоверности, и вдаваться в тонкости его значения читатель не обязан. Для него это просто знак особой ситуации. Существует такой афоризм, возникший в начале XX в.: «Если надо объяснять, то не надо объяснять». В каком-то отношении это применимо и к специальной лексике, включенной в ткань художественного произведения.

Если контекст достаточно объемный, то совокупность комбинаторных характеристик слова создает определенную семантическую атмосферу, психологическую установку на восприятие. Представим себе читателя, которому попадает на глаза следующий литературный фрагмент:

- (27) Добрый **инструмент** Шварца постепенно вбирал в себя **звуки** всех других **инструментов**, сначала **органа, арфы, скрипки**, а под конец **барабана** и **литавр**. <...> Приобретая все большую силу и **звучность**, этот шварцевский **инструмент** давал свой, особый **тон** всей **музыке** его творчества. Добрая идея **запела** в произведениях Шварца **звонко, громче** всех **труб** и **виолончелей**... (М. Слонимский. Книга воспоминаний).

Можно подумать, благодаря насыщенности музыкальной терминологией, что речь идет о композиторе Исааке Шварце, а на самом деле — это воспоминания о драматурге Евгении Шварце, и вся музыкальная терминология здесь — чистая метафорика!

В целом вкрапления терминов, профессионализмов, жаргонизмов, а также иноязычных, диалектных или региональных слов добавляют трудностей процессу понимания.

- (28) — Худею от оперативных нагрузок. К примеру, сейчас нахожусь на дежурстве и чешу **репу**.
— Что чешешь?
— Голову, значит. Задумали мы тут с ребятами спортивную викторинку, а мне поручили сочинить вопросы (С. Родионов. Долгое дело).

*Реп*а в общем жаргоне русского языка — ‘голова’. *Чесать репу* — ‘думать, размышлять’. Употребленный в полуофициальной обстановке (инспектор уголовного розыска говорит по телефону с приятелем — следователем прокуратуры), этот жаргонизм вызвал у собеседника сиюминутное недоумение.

Слова могут также изменить со временем свое значение, и следующее поколение читателей будет воспринимать текст не так, как предшествующее. Покажем это на примере (29).

- (29) Дядя Володи Горячева был начальником Вейского отделения железной дороги, **крутой**, видный местный руководитель и общественный деятель, много полезного делавший для транспорта, города и народа (В. Астафьев. Печальный детектив).

Прилагательное *крутой* в середине XX в. означало применительно к человеку — «суровый, упрямый, своевольный» [БТСРЯ]. В последние десятилетия у него появилось новое значение — «особенный, выделяющийся своими качествами, всесильный», сначала как жаргонное, а затем постепенно вытесняющее в литературном языке своего предшественника. По-

нятно, что юный читатель книги В. Астафьева вложит в приведенную цитату «свое» значение. Вот не вполне серьезное, но характерное тому подтверждение:

- (30) В первом классе дали задание составить фразу из слов: малыш, санки, горка, крутой, съехать. Все написали: «Крутой малыш съехал на санках с горки» (М. Л. Гаспаров. Записи и выписки).

Особо следовало бы сказать о восприятии «ситуационно связанных высказываний» [Kecskes 2010: 91–95]: реплик, обусловленных национальной традицией, этикетом, стандартными речевыми ситуациями. Не минует эта проблема и читателя художественных произведений. Например, чтобы понять речевую интенцию некой Натальи в примере (31), надо знать, что глагольные конструкции с личным местоимением 2-го лица в дательном падеже могут выражать угрозу:

- (31) ЛАРИСА. ...Всё. Надо дело делать. Я пойду, постираю еще.
НАТАЛЬЯ. **Я тебе постираю! Я тебе постираю!** Девочки, обследование закончено! Вяжите ее, как говорила вам! (Н. Коляда. Куриная слепота).

6. Различный культурный (в том числе литературный) фон

Понимание художественного текста, как уже отмечалось, подразумевает разную глубину проникновения в его смысл. Варианты толкования могут зависеть от общекультурного багажа реципиента, от его подготовленности в конкретной сфере, от литературной начитанности и т. д. Приведем соответствующие примеры.

- (32) — Да, это он, — сказал Костик, будто не сразу узнал трубача. —
О, как ты красив, проклятый!
Эдик был шокирован.
— Это вы так здороваетесь? Ну и манеры у вас... Я поражаюсь.
— Не обижайтесь. Это стихи.
— Э т о — стихи? (Л. Зорин. Прощальный марш).

Перед нами — расхождение в культурном багаже (Эдик не узнает строку из стихотворения Анны Ахматовой), которое приводит не просто к коммуникативному недоразумению, но и к прямому конфликту.

- (33) Лидия Сергеевна остановилась в дверях, молча, кивком поприветствовала всех и с плохо скрытым торжеством объявила:
— **Отыскался след Тарасов!**
— Чей след отыскался? — переспросил Александр.
— Лидия Сергеевна иносказательно цитирует Гоголя, — снисходительно пояснил Казарян (А. Степанов. Привал странников).

Здесь Александр не понимает смысла реплики, потому что текст гоголевской повести «Тарас Бульба» ему незнаком. Но показательно в последней реплике слово *снисходительно*: персонаж по фамилии Казарян демонстрирует свое коммуникативное превосходство.

- (34) — А я пластинку новую купила, — говорит она. — **Челентано**.
Хочешь поставлю?
— Поставь, — говорит Катышев. — Послушаем **Чипполлино**.
— Темный человек, — говорит она. — Челентано (М. Мишин. Чипполлино).

Певца Челентано с героем сказки про Чиполлино (в русском литературном переводе это имя — с одним «п») роднят итальянские корни, но все же персонаж по фамилии Катышев с трудом выкарабкивается из не делающей ему чести речевой ситуации. Впрочем, разрыв в культурном опыте гасится эмпативным настроением собеседников.

Таким образом, в сознании реципиента происходит комплексная обработка текста: с применением наличествующих у него речевых, языковых, культурных и логических знаний. Речевая информация проецируется на коммуникативную память и проверяется когнитивным опытом, см. [Müller 1997: 104–105]. Взаимодействие этих составляющих бывает довольно сложным, что соответствует многоканальной, «партиктурной» природе самой речевой цепи: «Предложение как единица речевой цепи с точки зрения выраженного в нем смыслового содержания представляет собой целый ряд параллельно развертывающихся и синтезирующихся линий, образующихся из целого ряда параллельных и налегающих друг на друга лексических и грамматических значений» [Адмони 1961: 5].

Говоря о конкуренции смысловых вариантов при восприятии текста, следует сказать и о каких-то особых, дополнительных факторах, влияющих на этот процесс.

7. Роль формальных связей в выборе слова: анафония и этимология

Роль звуковых и буквенных корреспонденций обычно остается за пределами исследований семасиологов. Однако они представляют собой дополнительный фактор, влияющий на выбор смыслового варианта. Формальные ассоциации способны существенно изменить содержание воспринимаемого высказывания.

- (35) Лена могла **одобрять**, но **ободрять** она не умела (Л. Зорин. Старая рукопись).

Одобрять и *ободрять* — формально очень близкие слова (напоминающие случаи метатезы), но их противопоставление в одном контексте обнаруживает важные черты в характере героини: она неспособна к инициа-

тиве, лишена собственной точки зрения. Игра, основанная на столкновении формального сходства и семантического различия, создает дополнительный эстетический эффект, который должен оценить читатель.

(36) — Поэтому Неклясов и потащил его в лес. Это была акция **устройства**.

— И **устранения**, — добавил Дубовик.

— Он не только заткнул пасть Бильдину, Леонарду, выключил Осоргина... Он и своим уроком преподавал (В. Пронин. Банда 3).

Пример аналогичен предыдущему, хотя для персонажей (и для читателей) детективных романов паронимастическая игра слов (*устройства* — *устранения*) кажется вовсе не обязательной. Однако автор ее использует и рассчитывает на дополнительный эффект. Перед нами — градация форм насилия над личностью: устрашение — психическое воздействие, устранение — физическое.

(37) Теперь во второй строфе мы наконец добираемся до кошки на ул. Кораблестроителей, где всеми мыслимыми выпуклостями, впадинками, пушками между лопаток и ямочками предоставляем заниматься тем, кому не дают покоя литературные **лавры (литавры)** «Лолиты» (В. Гандельсман. Разрыв пространства).

Лавры, т. е. «слава», литературного произведения (или его автора) непроизвольно вызывают здесь у говорящего ассоциацию с *литаврами*. Конечно, данный музыкальный инструмент тоже имеет отношение к торжеству и величию, но все же основной мотив, по которому появились в тексте *литавры*, — формальное созвучие слова с *лаврами* (тоже в форме множественного числа). Ощутит ли это читатель, зависит от его настроения на художественный текст. Но лавры, «подтвержденные» литаврами, — как бы слава в высшей степени.

(38) Не надо думать о **лишнем** весе. А думать надо о весе **личном** — у каждого он свой, неповторимый, то есть именно тот, каким он наделен (Л. Рубинштейн. Духи времени).

Формальная перекличка *лишний* — *личный*, основанная на противопоставлении шипящих [ш] и [ч], привносит в толкование фразы дополнительный момент, связанный с комбинаторикой этих слов. *Лишний вес* — устойчивое словосочетание. А *личный вес* — сочетание разовое, актуализирующее внимание читателя.

Внешнее сходство слов может получать в сознании говорящего (в частном случае — писателя) этимологический «крен»: тогда смысл высказывания приобретает диахронический «фон».

(39) Встречу вел **Замятин**, долго живший в Англии и отлично владевший языком; он и **замял** скандал, в полном соответствии с фамилией (Д. Быков. Был ли Горький?).

Этимология фамилии *Замятин* давно забылась (вполне возможно, она связана со словом *замять*, т. е. 'вьюга'). Но возникший в процессе речи глагол *замять* заставил писателя предложить свою версию «толкования».

- (40) Туман над рекой уже кое-где редел, обнажая быструю воду. Из тумана, наполовину **в пару**, словно оправдывая свое нелепое название, полз с того берега вдоль троса **паром**... (А. Битов. Заповедник).

Русское название *паром* не имеет в своем происхождении никакого отношения к слову *пар*: перед нами — своего рода ложноэтимологическое осмысление (потому оно — распространенное, но, как сказано, «нелепое»). Однако предложенная связь повышает когезию текста, придает его смыслу дополнительное измерение.

Поскольку смысл, как ясно уже из предыдущего изложения, — это многоаспектное образование, то и смысловые потери в ходе коммуникации могут быть многообразны. Реципиент может недополучить того или иного периферийного, маргинального компонента высказывания: эмотивного, экспрессивного, этимологического, фонетического и т. д. Считать ли это коммуникативной неудачей? Все зависит опять-таки от того, насколько высоко мы поднимаем планку (взаимо)понимания.

Л. П. Якубинский в статье 1923 г. (для своего времени совершенно новаторской) ставил понимание вместе с восприятием в зависимость от «содержания психики воспринимающего в момент восприятия» [Якубинский 1986: 38]. И с этим трудно спорить. Неполное или неправильное понимание, как показывал ученый, бывает обусловлено неподготовленностью адресата к теме общения или его занятостью иными мыслями.

Добавим, что полнота и глубина понимания зависят не только от личности реципиента (его культурного багажа, настроения на получение информации и т. д.), но и от условий, в которых протекает данный процесс. Применительно к устному общению — это количество общающихся, непосредственность или опосредованность контакта и т. п. [Винокур 2007: 70–75], применительно к чтению — это его время и место (в уютной домашней обстановке, в читальном зале перед его закрытием, в спешке перед экзаменом, в автобусе и т. д.), но эти обстоятельства в статье не учитываются.

8. Речевые ошибки: смысловые варианты или коммуникативные недоразумения?

На формальном сходстве слов, как известно, основаны многочисленные оговорки, описки, ослышки и очитки, на которые обращал внимание еще И. А. Бодуэн де Куртенэ, а позже — Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин, И. Н. Горелов и другие исследователи. (Добавим, что данная проблематика давно интересовала и немецких психологов и лингвистов [Meringer 1908; Kainz

1967; Leuninger 1987 и др.].) В этом случае следует, очевидно, говорить не о смысловых вариантах воспринимаемого высказывания, а о коммуникативных неудачах. Приведем несколько литературных примеров без комментария.

- (41) — Как же вас изволите величать? — рассердился комиссар.
— **Тро-гло-диты!** — хором отвечал зал.
— Как? **Крокодилы?** — сказал комиссар. — Ну, ша! Считаю, уже время кончить... (Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрания);
- (42) — **Жалко**, что мы не познакомились раньше, — сказал Алик.
— Да-да, **жарко**, — невпопад отозвался священник, не съехавший еще с женской темы, так его вдохновившей... (Л. Улицкая. Веселые похороны);
- (43) Известно, что наши космонавты при обмене информацией с пунктом управления обычно прибегают к лаконичным стандартным фразам. Вот что получилось в результате с Быковским. Он летал уже несколько суток и доложил: «Впервые был космический **стул**». Земля приняла «космический **стук**», то есть метеорит. Тревога продолжалась около часа (В. Конецкий. Морские сны);
- (44) — А эта странная тетка? Как ее там, «Любительница **асбеста**»?
— Не говори! Какой нормальный человек станет есть **асбест**? — разводила руками Манька (Н. Абгарян. Манюня).

В последнем примере речь идет о картине Пикассо «Любительница абсента». И *абсент*, и *асбест* — существительные, находящиеся для девочек, героинь повести, на периферии их лексикона. Внешнее паронимическое сходство слов сбивает говорящих с толку, хотя на продолжение диалога это никак не влияет.

Независимо от дальнейшего развития описанных коммуникативных ситуаций, в примерах (41)–(44) мы имеем дело с искажением исходного смысла. Однако формальное сходство слов представляет собой не только основание для коммуникативных сбоев, но иногда и, наоборот, удачную «подсказку» для выбора следующей номинации и развития темы. Это — случаи «счастливого ложного понимания», когда ошибка в восприятии приводит к новому, интересному смыслу.

- (45) — На днях один новатор обогатил меня на экзамене термином... в смешанном обществе не решаюсь его повторить.
— А бывает и интересно, — вступилась Элла. — Вот у меня студент вместо «**мощность**» сказал «**могущество**». «Могущество множества»... (И. Грекова. Кафедра);
- (46) В 1947 году в Издательстве иностранной литературы увидел свет русский перевод книги Энрико Ферми «Молекулы и кристаллы». Среди опечаток в ней оказалось одна примечательная: утвержда-

лось, что квантовые переходы молекул сопровождаются «испусканием свиста». Имелся в виду, конечно же, не свист, а свет. <...>

Но книгу великого физика Э. Ферми подписывал в свет другой великий физик — академик М. А. Леонтович, заведовавший физической редакцией издательства. И он настоял:

«Надо давать в список, — сказал Михаил Александрович. — Опечатки, они разные бывают, одни глупые, другие, как вот эта, я бы сказал, талантливая...» [Шерих 2004: 56].

Коммуникативный сбой (недоразумение), возникшее по лексическим или грамматическим причинам в конкретный момент, обычно легко компенсируется и исправляется в объеме целого текста.

9. Инвариантный смысл и синтаксическая синонимия

Хотя данная статья посвящена особенностям восприятия и понимания письменного текста, т. е. деятельности читателя, нам кажется целесообразным вернуться ненадолго к деятельности говорящего, а точнее — к проблеме синтаксической синонимии. Синонимия — один из кардинальных видов парадигматических отношений между языковыми единицами. Распространяется ли она также на словосочетания и предложения? Присущ ли конструкциям, находящимся в отношениях синтаксической синонимии, инвариантный смысл?

Для русского языка классическими примерами синтаксической синонимии считаются случаи вроде межмодельных соответствий (*Я ленюсь* — *Мне лень*, *Я тревожусь* — *Я в тревоге*, *Я боюсь* — *Мне страшно* и т. п.) или трансформационных преобразований (*крик петуха* — *петушиный крик*, *свежесть утра* — *утренняя свежесть*, *звон гитары* — *гитарный звон* и т. п.). Очевидно, что отношения смысловой эквивалентности существуют не только в рамках словосочетания, но и в рамках предложения, ср.:

(47) *Мы рассматривали вопрос* —

(48) *Вопрос рассматривался нами* —

(49) *Предметом нашего рассмотрения был вопрос*

или

(50) *Сотрудник усерден* —

(51) *Сотрудник отличается (характеризуется) усердием* —

(52) *Для сотрудника характерно усердие* и т. п., ср.: [Мустайоки 2006: 40–45, 381–383 и др.].

Что в таком случае является смысловым инвариантом разных конструкций? Говоря наиболее общо, это характер отношений между сущностями и объединяющим их предикатом. Для вариантов (47)–(49) это: «у процесса

рассмотрения был некий множественный субъект (к которому имеет отношение говорящий) и некий объект (“вопрос”)). Для вариантов (50)–(52) это: «некоторое свойство (“усердие”) присуще некоторому субъекту».

Однако можно ли считать такое толкование исчерпывающим для содержания коммуникативного акта (с позиций слушающего) и достаточным для его мотивировки (с точки зрения говорящего)? На наш взгляд, вряд ли — или только с большой долей аппроксимации. Синтаксические единицы — это средства общения, поэтому их содержание не сводится к отражению денотативной (референтной) ситуации, а включает в себя также дистрибутивные условия, интенцию говорящего (иллокутивную цель), эмоциональные коннотации — т. е. все то, что в совокупности образует прагматическую подоплеку высказывания.

К примеру, даже если взять синонимию глагольных и неглагольных конструкций, обозначающих психофизическое состояние человека, то речевая практика сразу обнаруживает их функциональную неравноценность. Причем, что любопытно, применительно к одним состояниям доминирует глагольное выражение, а к другим, наоборот, неглагольное. НКРЯ зафиксировал выражение *я тоскую* в 102 вхождениях, а *я в тоске* — только в 17; *я боюсь* — в 3906 вхождениях, а *мне страшно* — в 1161; *я обижен* — в 32 вхождениях, *мне обидно* — в 174, а *я в обиде* — только в 6; *я лениусь* — в 18 вхождениях, *мне лень* — в 85; *я мерзну* — в 16 вхождениях, *мне холодно* — в 192 и т. д. Создается впечатление, что эти «варианты выражения единого смысла» находятся между собой в отношениях, близких к дополнительной дистрибуции, и язык тем самым в очередной раз демонстрирует экономность своей структуры, предпочитая то одно средство, то другое. Кроме того, заметим, что приведенные выше варианты далеко не всегда взаимозаменяемы (ср.: *Я в обиде на кого-то* и *Мне обидно, что...* и т. п.). В работе о валентности русских эмотивных глаголов убедительно показано, что если глагол допускает разные модели управления (с зависимой падежной формой или *что*-конструкцией), то каждая из них окрашивает роль Стимула своей семантикой [Апресян 2015: 33]. Таким образом, и для деятельности говорящего инвариантность смысла имеет относительную ценность. И уже на этапе выбора синтаксической конструкции адресант стремится конкретизировать данный смысл.

10. Заключение

Процесс чтения, в том числе художественного произведения, — в значительной степени интуитивная и автоматическая деятельность. В глубине ее лежит соотнесение формирующегося смысла конкретных фраз с когнитивным универсумом, заложенным в голове человека. «Какой смысловой вариант адекватнее (обоснованнее с точки зрения уже воспринятого и интереснее с точки зрения дальнейшей перспективы)?» Этот вопрос, неосо-

знанно присутствующий в деятельности реципиента, в каждый момент определяет выбор его тактики.

Возможность разной глубины проникновения в текст, в том числе освоения его подтекста и «затекста», позволяет распространять идею инвариантности и на коммуникативные единицы — высказывания. Однако получаемый в результате «надсмысл» отвечает весьма низкому уровню требовательности к содержанию и вряд ли применим к чтению художественной литературы. Прагматические предпосылки подталкивают читателя к выбору одного из смысловых вариантов.

Авторы известного «принципа приоритета» обуславливают прагматикой механизм синтаксического анализа: «Большинство синтаксических процессов, связанных как с выделением тех или иных составляющих (выдвижение в престижную синтаксическую позицию, трансформация подъема, расщепление валентности), так и с их частичной или полной редукцией (всевозможные понижения, опущения, совмещения), есть не просто формальная игра в синтаксическую синонимию, а механизм, специально предназначенный для приоритетного выражения прагматической значимости тех или иных элементов сообщения» [Бергельсон, Кибрик 1987: 61].

В реальности коммуникативный успех обеспечивается взаимодействием единиц всех уровней языковой системы. И тот же принцип приоритета выстраивает некую иерархию вариантов — это подчинение одних механизмов распознавания смысла другим. В общем случае морфологические правила подчиняются лексическим и синтаксическим, а те, в свою очередь, — логическим и когнитивным — «здоровому смыслу». Однако в конкретных ситуациях, как мы могли видеть, в дело еще вмешиваются личностные качества реципиента (читателя) и особенности условий общения.

С л о в а р и

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 08.11.2020).

Розенталь 2000 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. 2-е изд. М., 2000.

Л и т е р а т у р а

Адмони 1961 — В. Г. Адмони. Партиктурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении // Филологические науки. 1961. № 3. С. 3–15.

Апресян 2015 — В. Ю. Апресян. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1. С. 28–66.

Бергельсон, Кибрик 1987 — М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А. Е. Кибрика и А. С. Нариньяни. М.: Наука, 1987. С. 52–63.

Валгина 1972 — Н. С. Валгина. О двусторонней синтаксической связи в современном русском языке // Русский язык в школе. 1972. № 5. С. 99–104.

Винокур 2007 — Т. Г. Винокур. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. 3-е изд. М.: URSS, 2007.

Голев, Ким 2014 — Н. Д. Голев, Л. Г. Ким. Полиинтерпретационный потенциал языковых единиц как основа языковой игры (на материале русскоязычных анекдотов) // Лингвистика креатива-3: Коллективная монография / Ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2014. С. 115–136.

Голетиани 2003 — Л. Голетиани. Коммуникативная неудача в диалоге. На материале русского и украинского языков (Specimina Philologiae Slavicae. Supplementband 73). München: Otto Sagner Verlag, 2003.

Димитрова 2009 — С. Димитрова. Лингвистична прагматика. София: Велес, 2009.

Ермакова, Земская 1993 — О. П. Ермакова, Е. А. Земская. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64.

Илюхина 2009 — Н. А. Илюхина. Аномальные словоупотребления как следствие метонимических переносов: проблема квалификации // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 9. Саратов, 2009. С. 12–19.

Ицкович 1982 — В. А. Ицкович. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982.

Куно, Эттингер 1971 — С. Куно, А. Эттингер. Многовариантный синтаксический анализ // Автоматический перевод / Пер.: О. С. Кулагина, И. А. Мельчук. М.: Прогресс, 1971. С. 102–120.

Лаптева 2009 — О. А. Лаптева. Речевые возможности текстовой омонимии. 3-е изд. М.: URSS, 2009.

Мустайоки 2006 — А. Мустайоки. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Норман 1980 — Б. Ю. Норман. К вопросу о двусторонней синтаксической связи // Русский язык в школе. 1980. № 4. С. 84–87.

Норман 2020 — Б. Ю. Норман. Понимание сокращенного или неоднозначного высказывания: сочетание вербального и реального опыта читателя // Вопросы психолингвистики. 2020. 3 (45). С. 85–95.

Павлов 1985 — В. М. Павлов. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л.: Наука, 1985.

Перцов 2001 — Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.

Пешковский 1959 — А. М. Пешковский. Глагольность как выразительное средство // А. М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959. С. 101–111.

Сиротинина 2013 — О. Б. Сиротинина. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013.

Сиротинина, Кормилицына 2015 — Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / Под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015.

Шведова 1966 — Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М.: Просвещение, 1966.

Шерих 2004 — Д. Шерих. «А» упало, «Б» пропало... Занимательная история опечаток. М.; СПб.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ — МиМ Дельта, 2004.

Якобсон 1985 — Р. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм) // Р. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 176–197.

Якубинский 1986 — Л. П. Якубинский. О диалогической речи // Л. П. Якубинский. Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

Ilter 2017 — T. Ilter. Miscommunication: The Other of Communication or the Otherness of Communication? // International Journal of Communication. 11. 2017. P. 259–277.

Kainz 1967 — F. Kainz. Psychologie der Sprache. Vierter Band. Spezielle Sprachpsychologie. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1967.

Kecskes 2010 — I. Kecskes. Situation-bound utterances as pragmatic acts // Journal of Pragmatics. 42. 2010. P. 2889–2897.

Kuße 2009 — H. Kuße. Zum Verhältnis von Semantik und Pragmatik // Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation / Hrsg. von S. Kempgen [et al.]. Bd. 1. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2009. S. 924–941.

Leuninger 1987 — H. Leuninger. Das ist wirklich ein dickes Stück: Überlegungen zu einem Sprachproduktionsmodell // Grammatik und Kognition. Psycholinguistische Untersuchungen / Hrsg. von J. Bayer. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. S. 24–40.

May 2006 — R. May. The Invariance of Sense // The Journal of Philosophy. Vol. CIII. No. 3. 2006. P. 111–144.

Meringer 1908 — R. Meringer. Aus dem Leben der Sprache. Versprechen. Kindersprache. Nachahmungstrieb. Berlin, 1908.

Mustajoki 2012 — A. Mustajoki. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication // Language and Dialogue. 2: 2. Amsterdam et al.: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 216–243.

Müller 1997 — K. Müller. Textverstehen beginnt beim Lesen // W. Gladrow, I. Dehmel (Hrsg.). Der Text in Forschung und Lehre (Berliner Slawistische Arbeiten 3). Frankfurt a. M.: P. Lang, 1997. S. 98–108.

Patnaik, Mohanty 2020 — S. Patnaik, A. K. Mohanty. Meaning, Intention and Miscommunication: A Study of Albert Camus' Misunderstanding // Psychology and Education. 57 (9). 2020. P. 1399–1401.

Willems et al. 2020 — S. J. W. Willems, C. J. Albers, I. Smeets. Variability in the interpretation of probability phrases used in Dutch news articles — a risk for miscommunication // Journal of Science Communication. 19 (02). 2020. A03. URL: <https://doi.org/10.22323/2.19020203>.

Статья получена 22.12.2020

BORIS YU. NORMAN

Belarusian State University
(Minsk, Belarus)
boris.norman@gmail.com

ON THE PERCEPTION AND INTERPRETATION OF THE MEANING OF UTTERANCE (FACTORS DETERMINING THE ACTIVITY OF THE READER)

The process of perception and interpretation of written text, including utterance as its unit, is determined by many factors. The article analyzes the activities of the reader of a literary text when faced with ambiguous, ambivalent utterances. Factors influencing the choice of one of the semantic options are systematized. The following speech situations that complicate (impede) the activity of the recipient are analyzed: 1) syntactic homonymy (subject-object relations), 2) double syntactic connection (attributive and adverbial relations), 3) transformations of the syntactic structure that produce a metaphor, 4) lexical and grammatical homonymy, 5) metaphorical and metonymic modifications of meaning, 6) different cultural backgrounds (basis) of the interlocutors. The role of formal associations in word choice on the part of the speaker is also taken into account: the reader can feel them or, conversely, not notice them. Cases of communicative failures (misunderstandings) are considered against the background of the mechanisms of transformations and in connection with the concept of an invariant meaning. We conclude that it is impossible to speak about semantic invariants of an entire communicative unit unless the threshold of comprehension is greatly lowered. Theoretical considerations are illustrated by examples from Russian fiction and journalism.

Keywords: perception, reading, understanding, utterance, meaning, variant, polysemy, literary text

References

- Admoni, V. G. (1961). Partiturnoe stroenie rechevoi tsepi i sistema grammaticheskikh znachenii v predlozhenii. *Filologicheskie nauki*, 3, 3–15.
- Apresian, V. Iu. (2015). Valentnost' stimula u russkikh glagolov so znacheniem emotsii: svyaz' semantiki i sintaksisa. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 28–66.
- Bergel'son, M. B., & Kibrik, A. E. (1987). Pragmaticheskii printsip prioriteta i ego otrazhenie v grammatike iazyka. In A. E. Kibrik, & A. S. Narin'iani (Eds.), *Modelirovanie iazykovoi deiatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh* (pp. 52–63). Moscow: Nauka.
- Dimitrova, S. (2009). *Lingvistichna pragmatika*. Sofia: Veles.
- Ermakova, O. P., & Zemskaja, E. A. (1993). K postroeniiu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga). In E. A. Zemskaja (Ed.), *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* (pp. 30–64). Moscow: Nauka.
- Goletiani, L. (2003). *Kommunikativnaia neudacha v dialoge. Na materiale russkogo i ukrainskogo iazykov*. München: Otto Sagner Verlag.
- Golev, N. D., & Kim, L. G. (2014). Poliinterpretatsionnyi potentsial iazykovykh edinit kak osnova iazykovoi igry (na materiale russkoiazychnykh anekdotov). In T. A. Gridina (Ed.), *Lingvistika kreativa-3* (pp. 115–136). Ekaterinburg: Ural'skii gos. ped. un-t.
- Iakobson, R. (1985). *Izbrannye raboty*. Moscow: Progress.

- Iakubinskii, L. P. (1986). *Izbrannye raboty. Iazyk i ego funktsionirovanie*. Moscow: Nauka.
- Iliukhina, N. A. (2009). Anomal'nye slovoupotrebleniia kak sledstvie metonimicheskikh perenosov: problema kvalifikatsii. *Problemy rechevoi kommunikatsii*, 9, 12–19.
- Ilter, T. (2017). Miscommunication: The Other of Communication or the Otherness of Communication? *International Journal of Communication*, 11, 259–277.
- Itskovich, V. A. (1982). *Ocherki sintaksicheskoi normy*. Moscow: Nauka.
- Kainz, F. (1967). *Psychologie der Sprache. Vierter Band. Spezielle Sprachpsychologie*. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag.
- Kecskes, I. (2010). Situation-bound utterances as pragmatic acts. *Journal of Pragmatics*, 42, 2889–2897.
- Kuno, S., & Ettinger, A. (1971). Mnogovariantnyi sintaksicheskii analiz. In O. S. Kulagina, & I. A. Mel'chuk (Eds.), *Avtomaticheskii perevod* (pp. 102–120). Moscow: Progress.
- Kuße, H. (2009). Zum Verhältnis von Semantik und Pragmatik. In S. von Kempgen et al. (Eds.), *Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation* (vol. 1, pp. 924–941). Berlin; New York: De Gruyter Mouton.
- Lapteva, O. A. (2009). *Rechevye vozmozhnosti tekstovoi omonimii* (3rd ed.). Moscow: URSS.
- Leuninger, H. (1987). Das ist wirklich ein dickes Stück: Überlegungen zu einem Sprachproduktionsmodell. In J. Bayer (Ed.), *Grammatik und Kognition. Psycholinguistische Untersuchungen* (pp. 24–40). Opladen: Westdeutscher Verlag.
- May, R. (2006). The Invariance of Sense. *The Journal of Philosophy*, 103(3), 111–144.
- Müller, K. (1997). Textverstehen beginnt beim Lesen. In W. Gladrow, & I. Dehmel (Eds.), *Der Text in Forschung und Lehre* (pp. 98–108). Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Mustajoki, A. (2006). *Teoriia funktsional'nogo sintaksisa. Ot semanticheskikh struktur k iazykovym sredstvam*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Mustajoki, A. (2012). A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication. In E. Weigand (Ed.), *Language and Dialogue. 2: 2* (pp. 216–243). Amsterdam et al.: John Benjamins Publishing Company.
- Norman, B. Iu. (1980). K voprosu o dvustoronnei sintaksicheskoi sviazi. *Russkii iazyk v shkole*, 4, 84–87.
- Norman, B. Iu. (2020). Ponimanie sokrashchennogo ili neodnoznachnogo vyskazyvaniia: sochetanie verbal'nogo i real'nogo opyta chitatelia. *Voprosy psikholingvistiki*, 3(45), 85–95.
- Patnaik, S., & Mohanty, A. K. (2020). Meaning, Intention and Miscommunication: A Study of Albert Camus' Misunderstanding. *Psychology and Education*, 57(9), 1399–1401.
- Pavlov, V. M. (1985). *Poniatie leksemy i problema otnoshenii sintaksisa i slovoobrazovaniia*. Leningrad: Nauka.
- Pertsov, N. V. (2001). *Invarianty v russkom slovoizmenenii*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Peshkovskii, A. M. (1959). *Izbrannye trudy*. Moscow: Uchpedgiz.
- Sherikh, D. (2004). «A» upalo, «B» propalo... *Zanimatel'naia istoriia opechatok*. Moscow; St Petersburg: TsENTROPOLIGRAF; MiM Del'ta.
- Shvedova, N. Iu. (1966). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom sintaksise (slovo-sochetanie)*. Moscow: Prosveshchenie.

Sirotnina, O. B. (2013). *Russkii iazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski*. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta.

Sirotnina, O. B., & Kormilitsyna, M. A. (Eds.). (2015). *Riskogennost' sovremennoi kommunikatsii i rol' kommunikativnoi kompetentnosti v ee preodolenii*. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta.

Valgina, N. S. (1972). O dvustoronnei sintaksicheskoi sviazi v sovremennom russkom iazyke. *Russkii iazyk v shkole*, 5, 99–104.

Vinokur, T. G. (2007). *Govoriashchii i slushaiushchii: Varianty rechevogo povedeniia* (3rd ed.). Moscow: URSS.

Willems, S. J. W., Albers, C. J., & Smeets, I. (2020). Variability in the interpretation of probability phrases used in Dutch news articles — a risk for miscommunication. *Journal of Science Communication*, 19(02), A03.

Received on December 22, 2020